

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС И СОВХОЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО ТРУДА В КОЛХОЗАХ (1933–1934 ГГ.)

**Николай Анатольевич
Зайцев**

Липецкий государственный педагогический
университет имени

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Липецк, Россия, nikolay.zaytsev1999@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Аннотация. Статья посвящена способам социальной мобилизации женского населения в колхозной деревне в период функционирования политических отделов машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. Автор статьи указывает на достаточно обширную историографию вопроса. Ученые часто обращают внимание на Северный Кавказ, Поволжье и Украину. Однако в масштабе Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) работа политотделов, а особенно их деятельность в контексте привлечения отдельных категорий населения для реализации мер по стабилизации аграрного сектора в 1933–1934 гг. в историографии освещения практически не получила. В работе на материалах ЦЧО автор анализирует фактические меры, применяемые работниками политотделов, в том числе женскими организаторами, для привлечения многочисленного женского населения к колхозному труду. Создание политических отделов автор напрямую связывает с последствиями сплошной коллективизации, которая привела к масштабному голоду. В ответ на эти факторы вводились чрезвычайные органы управления сельским хозяйством Советского Союза, которые пользовались поддержкой со стороны центра. Отдельное внимание уделяется фактору дисциплины труда, который, помимо низкого уровня участия женщин в колхозном производстве, демонстрировал общее отношение представительниц «слабого пола» к колхозно-совхозной системе, укоренившейся в этот период в советской деревне. Указывается на фактор гендерных диспропорций, который впервые остро поставил перед советской властью вопрос о более активном включении женщин для преодоления последствий сплошной коллективизации и массового голода. Важным фактором социальной мобилизации женщин, на взгляд автора, стало создание детских яслей и площадок, что позволяло реализовывать указанные выше задачи. При этом степень реализации поставленных задач оставалась на неудовлетворительном уровне.

Ключевые слова: политотделы МТС, Центральное Черноземье, женщины, социальная мобилизация, ударничество.

Для цитирования: Зайцев Н. А. Деятельность политотделов МТС и совхозов Центрального Черноземья по организации женского труда в колхозах (1933–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 56–65. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

Сведения об авторе: Н. А. Зайцев – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 94(47).084.6
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65>

THE ACTIVITIES OF THE MACHINE AND TRACTOR STATION POLITICAL DEPARTMENTS AND STATE FARMS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION ON THE ORGANIZATION OF WOMEN'S LABOR IN COLLECTIVE FARMS (1933–1934)

Nikolay A. Zaytsev

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, nikolay.zaytsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Abstract. The article deals with the ways of social mobilization of the female population in the collective farm village during the period of the machine and tractor station (MTS) political departments functioning and state farms. The author points out that the historiography of the issue is quite extensive. Scholars often focus on the North Caucasus, the Volga region and Ukraine. However, in the context of the Central Black Earth Region, the work of political departments, and especially the involvement of certain categories of the population in the stabilization of the agrarian sector in 1933–1934 has received virtually no coverage in the historiography. In this paper, the author analyses the actual measures used by political departments, including women's organizers, to attract the large female population to collective farm labour. The author directly links the creation of the political departments to the consequences of total collectivization, which led to widespread famine. In response to these factors, emergency agricultural management bodies of the Soviet Union emerged, supported by the central leadership. The author pays special attention to the factor of labor discipline, which, in addition to the low level of women's participation in collective farm production, demonstrated the general attitude of the softer sex towards the collective farm system that was taking root in the Soviet village during this period. The author points to the factor of gender imbalances, which for the first time most acutely raised the question of the more active inclusion of women in order to overcome the consequences of total collectivization and widespread famine before the Soviet authorities. An important factor in the social mobilization of women, in the author's opinion, was the creation of nurseries and playgrounds, which made it possible to implement the above-mentioned tasks. At the same time, the degree of implementation of the set tasks remained at an unsatisfactory level.

Keywords: machine and tractor station (MTS) political departments, Central Black Earth Region, women, social mobilization, shock-worker movement.

For citation: Zaytsev, NA 2025, 'The Activities of the Machine and Tractor Station Political Departments and State Farms of the Central Black Earth Region on the Organization of Women's Labor in Collective Farms (1933–1934)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 56–65, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-56-65> (in Russ.)

Information about the Author: *Nikolay A. Zaytsev* – Postgraduate Student of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Вопросы социальной мобилизации в первые десятилетия советской власти стояли крайне остро. Связано это было в том числе с тем, что в масштабах обширных границ было необходимо изыскивать трудоспособное и квалифицированное население. Если во времена царизма роль женщины была достаточно определенной и детерминированной, то в советскую эпоху все кардинально меняется. Особенно актуальной проблема вовлечения женского населения в производственные отношения стала в эпоху кардинальной ломки и перехода от НЭПа к плановой (административно-командной) системе, то есть на рубеже 1920–1930-х гг. Еще в 1920-х гг. при местных административных учреждениях были созданы отделы по работе среди женщин (женотделы), занимавшиеся активной агитацией за советскую власть среди сельского населения. Помимо этого в их работу входила организация пунктов ликбеза и изб-читален [4, с. 155] (однако женотделы, видимо, не сильно преуспели в своей работе, в связи с чем и были ликвидированы в 1930 г.). Чуть позже подобные отделы появляются в чрезвычайных органах власти советской деревни – политотделах МТС и совхозов.

Материалы и методы

В исторической науке по-разному пытались освещать деятельность политотделов. В разрезе ЦЧО работа органов советской власти с женщинами или политотделов с этой категорией населения особого развития не получила. При делении историографии вопроса на два периода: советский и постсоветский, отметим, что за все это время проблемой функционирования политотделов МТС и совхозов занимались И. Е. Зеленин [7], А. С. Шевляков [30], В. В. Наухацкий [14], В. А. Алексеев [1], А. Г. Тепляков [27], О. Б. Мозохин [12], В. В. Кондрашин [9] и О. В. Бочарова [3]. Так или иначе деятельности политотделов в своих работах касались Н. Л. Рогалина [24], В. Н. Томилин [28], Н. А. Ивницкий [8] и др. Если же говорить про работы, в которых бы внимание уделялось именно гендерному аспекту (женщинам) и их месту в работе политотделов, то здесь необходимо упомянуть работу М. А. Гадицкой и А. П. Скорика [4].

О. В. Бочарова, обращая внимание на работу женоргов при политотделах МТС и совхозов на материалах Юга России, отмечала факт достижения больших успехов при работе с женщинами. «Именно эти люди должны были заниматься организацией работы среди женской части населения колхозной деревни и, надо признать, преуспели в этом» [3, с. 142].

М. А. Гадицкая и А. П. Скорик в специальной монографии про женщин-колхозниц южных регионов РСФСР указывают на то, что деятельность политотделов МТС находилась в русле общесоюзной работы, связанной с изменением характера отношений между мужчинами и женщинами в деревне, ментальности женщин, гендерных ролей, структуры занятости в сторону большей «феминизации» и т. д. [4].

При написании данной статьи использовался хронологический метод, необходимый для понимания разных этапов в работе политотделов при мобилизации женского населения, а сравнительно-исторический метод позволил сопоставить опыт разных политотделов МТС Черноземного центра России в контексте реализации мер по привлечению женского населения Центрального Черноземья к колхозному производству.

Результаты

В начале 1930-х гг., когда происходила резкая и жизненно необходимая для режима перекачка материальных ресурсов из деревни в общесоюзную экономику для нужд индустриализации, в условиях кризисных явлений на советском селе мобилизация женского населения стала еще более острой, поскольку только ценой

объединения сил всего населения деревни можно было преодолеть возникший кризис аграрной сферы.

Политические отделы МТС и совхозов появились в советской деревне в начале 1933 г. Их главная цель заключалась в преодолении последствий сплошной коллективизации и купировании кризиса в виде масштабного голода, охватившего несколько главных зернопроизводящих регионов СССР. По разным оценкам голод в пределах ЦЧО унес до 1 млн жизней [13, с. 48–49]. Разумеется, масштабы голода в пределах ЦЧО были не столь чудовищными как, например, на Украине, в Казахстане, Поволжье или на Северном Кавказе. Однако и эти относительно значительные бедствия могли привести к расстройству всей системы заготовок сельскохозяйственной продукции.

Как отмечалось выше, мобилизация различных категорий населения, в том числе и женщин, во благо колхозного строя была одной из ключевых задач политических отделов МТС, которую они старались активно воплощать на практике. Основным источником, проливающим свет на мероприятия в данной сфере, стали политдонесения и политсводки политотделов, направляемые ими в Наркомзем.

Прежде всего нужно отметить, что основная работа с женским населением колхозной и единоличной деревни велась через партийные ячейки и местные партийные организации. Кроме того, по плану в каждом политотделе должен был работать женский организатор, который занимался привлечением представительниц «слабого пола» к труду в массиве всего МТС (нередко в этой роли выступали сами женщины).

В условиях масштабного голода женщин, чаще всего многодетных, важно было убедить в том, что у них есть возможность оставить своего ребенка (детей) в специальном учреждении, чтобы получить возможность выходить на колхозные поля или привлекаться к иной работе. Даже если исключить фактор голода, то уже после него, в обычное время, для женщины-колхозницы было большой проблемой выйти на работу, если у нее были дети (особенно маленькие, до 2–3 лет). Поэтому организация специальных учреждений для оставления там детей на время работы становилась одним из важнейших направлений работы советской власти на селе в общем, а также политотделов в частности.

Судя по всему, в пределах ЦЧО относительно развитой являлась система организации детских яслей и детских площадок. Конечно, ситуация от колхоза к колхозу могла отличаться, но общая картина такова, что у политотдела получалось создавать учреждения подобного типа, таким образом активно привлекая женщин к работе в колхозах. Начальник политотдела Конышевской МТС Чернышов писал об организации множества яслей, которые охватили почти 4 тысячи детей. Однако качество организованных яслей было неудовлетворительным, поскольку в большинстве из них не было ни кроваток, ни игрушек, как и медицинского обеспечения или воспитательной работы [23, л. 49]. Начальник политотдела Добринской МТС Божанов докладывал, что «в настоящее время уже работают 5 постоянных детских яслей» [29, л. 94]. Однако количественный охват детей остается неясным. Таким же положение оставалось и к концу 1934 г. Все тот же Божанов писал, что «основными недостатками является состояние яслей и площадок» <...> «отсутствие с детьми какой-либо работы, детей обычно обслуживают малограмотные или совсем неграмотные няни» [17, л. 28]. Также обращалось внимание на «антисанитарное состояние многих яслей». Начальник политотдела Боринской МТС Левин более ответственно отнесся к вопросу организации яслей и детских площадок, в связи с этим постоянно требовал у председателей колхозов отчеты о количестве охваченных яслями и площадками детей. Полученные данные позволяют определить, что на момент сбора сведений (25 мая 1934 г.) в яслях и площадках находилось ежедневно около 1521 ребенка разного

возраста [16, л. 160–182]. В масштабах Липецкого политотдела функционировали 15 яслей на 561 ребенка вместе с площадкой на 18 детей [22, л. 44]. Помощник начальника политотдела Лебедянкой МТС по женской работе Шивина докладывала о 32 работающих яслях [20, л. 108]. В газете политотдела Политовской МТС Данковского района «По ленинскому пути» селькор Епифанов сообщал: «В колхозе “Маяк” Березовского сельсовета 1 мая (1934 г. – автор) открыта детплощадка и ясли. 30 колхозных ребят находятся в них» [6, с. 2]. Епифанов также пишет о выделении для яслей и площадки продовольствия в размере 8 центнеров муки и 5 центнеров пшена. Однако со снабжением могли возникать и определенные сложности (еще бы, даже в 1934 г. эхо голода еще отзывалось в зернопроизводящих регионах Советского Союза), когда сельпо не поставляло некоторые виды продуктов питания, в данном случае манную крупу и сахарный песок. Более того, руководство позаботилось и о выделении постельных принадлежностей. По сообщению селькора, колхозницы были довольны и просили отстающих последовать примеру данного колхоза [6, с. 2]. Все это позволяло в масштабах функционирования отдельно взятых политотделов МТС активно вовлечь женское население села в работу. В упоминаемой нами Боринской МТС в связи с этим удалось создать 6 женских бригад, работающих по 35 звеньям, общей численностью 188 человек [16, л. 248]. В то же время некоторые колхозы сталкивались с курьезными ситуациями, например, в колхозах Покровского сельсовета, если верить заметке М. Грабыльниковой, были все условия для открытия яслей. Однако «председатель колхоза “Новая жизнь” Клейменов всю вину за задержки открытия яслей кладет на колхозниц: “они детей не несут”» [5, с. 2]. Здесь также важно обратить внимание на тот факт, что ясли и площадки в указанных колхозах были открыты только ближе к середине 1934 г., а политотделы работали с января 1933 г. Так, например, исходя из приказов начальника Усманского политотдела МТС Семенова, можно прийти к выводу, что к сентябрю 1934 г. в массиве вообще не было детских яслей, не говоря уже о полевых, которые приказывал открыть начальник политотдела [21, л. 4]. Можно предварительно заключить, что вопросы открытия детских яслей и площадок не всегда были в приоритете у работников политотдела. Это означало, что данные учреждения были далеко не в каждом колхозе, что в свою очередь не позволяло привлечь женщин к труду в полной мере, как, например, в Бигильдинском сельском совете, где в это время агроном Новицкий призывал к открытию яслей и площадок. Новицкий писал: «... Надо немедленно открыть ясли, дать возможность матери-колхознице работать на поле, не боясь за сохранность своего ребенка» [15, с. 2].

Попытки привлечения женского и всех других категорий населения в советской деревне к труду в колхозах и совхозах были связаны с особенностями функционирования советской экономики. Специфика заключалась в том, что она держалась на внеэкономическом принуждении и жестком администрировании, практически исключая чисто экономические методы стимулирования трудящегося населения. Отсюда проистекают и все кампании, пропагандирующие героический труд и самопожертвование вполне искренних колхозников. То было стремление советской власти привлечь максимально широкие слои населения к системе общественного производства в условиях, когда оплата за труд была крайне низкой. Режим всячески старался удержать массы наиболее активных женщин в поле своего влияния, для чего периодически проходили слеты актива. Например, с 23 по 25 мая 1934 г. в Воронеже собралось более тысячи колхозников-ударников. В это же время женский актив Данковского района публикует обращение к местному женскому населению на страницах газеты политотдела с призывами к более активной работе. Остается лишь гадать, нашел ли данный призыв отклик у женских масс Данковского района. Предположим, что довольно часто не находил, поскольку те же источники дают

представление о качестве работы женщин в совхозах. Так, многочисленные авторы газеты политотдела свиноводческого совхоза им. Ленина Данковского района сообщали о частых фактах опозданий, халатного отношения к обязанностям со стороны работниц совхоза Остряковой, Шишковой, Жучковой, Лобаковой и др. В одной из бригад работница Калугина не выходила на работу два дня [26, с. 2]. Согласимся с мнением Гадицкой и Скорика о том, что «трудовая активность ударников и стахановцев (вызванная лучшими их морально-психологическими качествами) не столько способствовала развитию колхозной системы, сколько укрепляла ее негативные характеристики: безразличие к нуждам конкретных людей, неравное распределение произведенной продукции между государством и самими сельскими тружениками и пр.» [4, с. 67].

Активная пропаганда ударничества давала свои определенные плоды в лице преданных колхозному строю и советской власти женщин. Их активно привлекали к так называемым женским совещаниям, которые организовывали женорги. Например, работники политотдела Лебедянской МТС произвели выезды в двадцать семь колхозов с массовыми агитационными мероприятиями, преследующими цель «подтолкнуть» колхозниц к более усердному труду на колхозных полях. Широкого отклика наблюдать не приходилось, однако некоторое количество положительных последствий такой работы определенно прослеживается. Колхозница-ударница Кукушкина Е., возглавившая 75 женщин, успешно заскирдовала вручную 2223 копны озимых и яровых хлебов. «77-ю колхозницами-ударницами Сезеновского и Теплинского с/совета оказана помощь совхозу “Культура” в возке проса 1155 копен». «В Троекуровском колхозе того же с/совета имел место массовый невыход на полевые работы женщин. Колхозница Минаева добилась перелома среди колхозниц, в результате 100 % колхозниц посещали полевые работы [19, л. 62]. В этом же политдонесении находится весьма любопытный пример, лишний раз демонстрирующий связь наличия детских дошкольных учреждений со степенью включенности женщин в колхозный труд. В колхозе «Верный путь» состояло 60 хозяйств со 100 трудоспособными членами, причем 60 человек из них были женщинами. При колхозе были открыты годовые ясли на 60 детей. Женщины выполняли все полевые работы, а также имели возможность обслуживать молочно-товарную ферму в 150 голов. Результат в виде премирования 29 ударниц не заставил себя ждать [19, л. 63]. Все тот же начальник Лебедянского политотдела МТС Подольский в 1934 г. докладывал об открытии при колхозах школ кройки и шитья, а также курсов для помощниц бригадиров по вопросам агротехники и животноводства [20, л. 103]. Более того, в массиве Лебедянской МТС организация работы среди женщин было налажена на таком уровне, что это поспособствовало созданию женской тракторной бригады в количестве 5 тракторов с обслуживающими их 16 женщинами (10 трактористками, 2 сменщицами, 1 помощницей бригадира, 3 практикантками). Как писалось в донесении, «настроение у девчат хорошее» [20, л. 109]. Разумеется, при приведении таких безусловно положительных фактов нужно иметь в виду, что тот же Лебедянский политотдел МТС обслуживал 80 колхозов с 16 783 работниками трудоспособного возраста [20, л. 112]. То есть все приведенные выше мероприятия становились каплей в море. И это лишь один из немногих подобных по-настоящему ответственных подходов при работе с женщинами. Начальник политотдела Красненской МТС Новиков писал, что его политотделу в 1934 г. не удалось наладить работу и школ подготовки доярок, сельщиц, плугарей. Попытка создания тракторной женской бригады не увенчалась успехом. Женщины сумели отработать в тяжелых полевых условиях лишь два дня [18, л. 10]. Встречались и настоящие примеры трудового героизма в таком, казалось бы, неженском деле, как работа на тракторе. Шура Мышкина, 19-летняя девушка из Еропкинского сельсовета, нередко выпаживала по 1,5–1,6 га, что было на уровне от-

личного результата для мужчины [25, с. 1]. Однако при всех приведенных выше фактах масштаб включения женщин в деятельность колхозов был на низком уровне. К тому же, видимо, в силу патриархальной традиции женщин к руководящим должностям допускали не часто, ограничиваясь их относительно большой ролью на более низовых ступенях колхозного производства. Например, в Лебедянской МТС имелось 93 хозяйки токов, 11 заместителей председателей колхозов по культурно-бытовому обслуживанию, 18 инспекторов по качеству [18, л. 109]. В пределах СССР женщины в основной своей массе в составе колхозов брали на себя обязанности скотников, звеньевых и бригадиров животноводческих бригад в соотношении 50,7 %, 66,8 %, 21,5 % соответственно (данные за 1936 г.) [10, с. 93].

В целом по стране удельный вес женщин в составе механизаторов даже во второй половине 1930-х гг. был вовсе не так высок, как хотелось бы представителям власти. В 1935 г. среди механизаторов женщины-трактористки составляли 4 %, комбайнерки – 3 %. Даже в 1940 г., «когда были приняты энергичные меры для привлечения женщин в МТС», их удельный вес в составе трактористов и комбайнеров не превышал 8 %, помощников комбайнеров – 17 %, механиков – 2 % [2, с. 60]. То есть можно отметить, что женщин в качестве механизаторов было не так уж и много, несколько десятков тысяч по всей стране. Помимо прочего, непреложным фактом является довольно большой удельный вес женского населения при проведении полевых работ. Тенденция, не выделяющая ЦЧО из общей массы прочих регионов СССР, но весьма показательная, поскольку в среднем 49,6 % женщин прямо вовлекались в колхозное полевое производство. По ЦЧО цифра равнялась 49,0 %, в то время как мужчин было 42,1 %. Это зримо демонстрирует определенную специализацию женщин-колхозниц на селе. В некоторых же колхозах женщины были просто незаменимы, как, например, в трех колхозах ЦЧО («Пламя Ленина», «Пламя», «Памяти 22 января») при севе, прополке, косьбе, вязке, возке и молотье [11, с. 147–148].

Принимая во внимание все ранее сказанное, отметим, что при явных гендерных диспропорциях (по переписи населения 1926 г. в селах ЦЧО проживало 4 789 тыс. мужчин и 5 310 тыс. женщин [29, с. 21]) мужчины гораздо чаще занимали должности в колхозной администрации. Хотя, разумеется, были и исключения. Такая же ситуация складывалась, если речь заходила о желающих среди колхозников трудиться на колхозных полях. Несмотря на то что практически в каждом колхозе были так называемые женщины-ударницы, распределение ролей в колхозных семьях оставалось достаточно типичным для России, даже если сравнивать этот период с дореволюционным временем. Разумеется, революция принесла в деревню, да и в целом в советское общество, ряд нововведений, однако кардинально жизнь женщины, на наш взгляд, не поменялась. Источники демонстрируют, что степень вовлечения женщины в общественное (колхозное) производство в начале 30-х гг. была не столь значительной, какой ожидали в результате мобилизационных мероприятий работники политотделов. Женщина колхозной деревни по-прежнему была привязана к своему дому, где от нее ожидали выполнения широкого круга обязанностей в виде ухода за скотом, личными подсобными хозяйствами и детьми. Поэтому часто именно мужчины включались в работу на колхозных полях, оставляя женщин для работы по дому.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы пришли к следующим выводам: меры социальной мобилизации женского населения, предпринимаемые политотделами МТС и совхозов Центрального Черноземья в 1933–1934 гг. были итогом проводимой политики сталинского режима, направленной на преодоление последствий сплошной коллективизации. Политические отделы, приступив к вы-

полнению своих обязанностей в начале 1933 г., обратили особое внимание на женщин колхозной деревни как скрытый и неиспользованный потенциал. Для высвобождения этого потенциала работники данных чрезвычайных органов власти создавали детские ясли и площадки для детей женщин-колхозниц. Детские дошкольные учреждения были не так сильно распространены, как того хотели политотделы, да и многие женщины. Большое количество политотделов озаботилось данной проблемой лишь ближе к середине 1934 г., когда функционирование самих политотделов постепенно приближалось к своему завершению. То есть часто предпринимаемые меры были недостаточными, статистика вовлечения женщин в колхозное производство прямо об этом свидетельствует. Если же женщины и приступали к работе, то, как правило, в рамках низовых ступеней колхозной вертикали. В административных учреждениях женщины были представлены немногочисленным корпусом наиболее проявивших себя тружениц, что составляло абсолютное меньшинство среди всех женщин советской колхозной деревни. При этом, разумеется, встречаются и примеры трудового героизма женщин, выражавшегося в том числе в несвойственных формах занятости как, например, работа трактористками.

Список источников и литературы

1. *Алексеев В. А.* Политотделы МТС ЦЧО и их роль в проведении политики «чрезвычайщины» // Вехи минувшего. 1999. № 1. С. 126–134.
2. *Арутюнян Ю. В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовой квалификации). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.
3. *Бочарова О. В.* Формирование и деятельность политических отделов МТС в казачьекрестьянских районах юга России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бочарова Ольга Владимировна. Новочеркасск, 2016. 278 с.
4. *Гадюцкая М. А., Скорик А. П.* Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.: гендерный потенциал и менталитет. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 323 с.
5. *Грабыльникова М.* Саботируют открытие яслей // По ленинскому пути. 1934. № 10.
6. *Епифанов Д.* За детьми хорошо ухаживают // По ленинскому пути. 1934. № 10.
7. *Зеленин И. Е.* Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42–61.
8. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933). М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000. 350 с.
9. *Кондрашин В. В., Мозохин О. Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 годы. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
10. *Маннинг Р. Т.* Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1935–1940 годы // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88–106.
11. Материалы о работе политотделов МТС в 1933 году. С. 147–148.
12. *Мозохин О. Б.* Участие органов ОГПУ в деятельности политотделов МТС // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности : материалы VII междунар. конф. / науч. ред. К. Ф. Белоусов. Петрозаводск, 2019. С. 129–139.
13. *Назаренко Н. Н., Коришунова М. В., Башкин А. В.* Демографические процессы в центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 47–56.
14. *Наухацкий В. В.* Политотделы МТС Северо-Кавказского края и становление системы заготовок в сельском хозяйстве // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 383–393.
15. *Новицкий.* Не задерживать открытие яслей // По ленинскому пути. 1934. № 15.
16. Областное казенное учреждение «Государственный архив новейшей истории и документов по личному составу Липецкой области» (ОКУ ГАНИДЛС ЛО). Ф. 231. Оп. 1. Д. 4.
17. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10.
18. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5.

19. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 3.
20. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 8.
21. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 4.
22. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 112. Оп. 16. Д. 41.
24. *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ, 1989. 222 с.
25. *Серегина, Вишнякова.* Содержать всегда поле в чистоте // По ленинскому пути. 1934. № 11.
26. *Сотников.* Красный флажок политотдела снова в бригаде Самарина, черный «Позор лодырям» развеивается на третьей ферме // Свинар-Ударник. 1934. № 4.
27. *Тепляков А. Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 173–185.
28. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 400 с.
29. Центрально-Черноземная область : стат. справочник / Обл. стат. отдел. Воронеж, 1929. 463 с.
30. *Шевляков А. С.* Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве в Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Томский гос. ун-т, 2000. 226 с.

References

1. Alekseyev, VA 1999, 'Politotdely MTS TSKHO i ikh rol v provedenii politiki «chrezvychayshchiny»' (Political departments of the MTS of the Central CDC and their role in the implementation of the «emergency» policy), *Vekhi minuvshogo*, no. 1, pp. 126–134. (In Russ.)
2. Arutyunyan, YuV 1960, *Mekhanizatory selskogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg. (Formirovaniye kadrov massovoy kvalifikatsii)* (Mechanizers of the USSR agriculture in 1929–1957 (Formation of mass qualified personnel), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bocharova, OV 2016. *Formirovaniye i deyatelnost politicheskikh otdelov MTS v kazachyeh-krestyanskikh rayonakh yuga Rossii* (Formation and activity of MTS political departments in the Cossack-peasant regions of southern Russia), PhD thesis, Novocherkassk. (In Russ.)
4. Gaditskaya, MA & Skorik, AP 2009, *Zhenshchiny-kolkhoznitsy Yuga Rossii v 1930-e g.: gendernyy potentsial i mentalitet* (Kolkhoz women in the South of Russia in the 1930s: gender potential and mentality), Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Grablynikova, M 1934, 'Sabotiruyut otkrytiye yasley' (Sabotaging the opening of the nursery), *Po leninskomu puti*, no. 10. (In Russ.)
6. Yepifanov, D 1934, 'Za detmi khorosho ukhazhivayut' (The children are well cared for), *Po leninskomu puti*, no. 10. (In Russ.)
7. Zelenin, IYe 1992, 'Politotdely MTS – prodolzheniye politiki «chrezvychayshchiny»' (MTS political departments - continuation of the «emergency» policy), *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 42–61. (In Russ.)
8. Ivnitkiy, NA 2000, *Repressivnaya politika Sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933)* (Repressive policy of the Soviet power in the village (1928–1933)), In-t ros. ist. RAN publ, Moscow. (In Russ.)
9. Kondrashin, VV & Mozokhin, OB 2017, *Politotdely MTS v 1933–1934 gody* (The machine and tractor station political departments in 1933–1934), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
10. Manning, RT 2001, 'Zhenshchiny sovetskoj derevni nakanune Vtoroy mirovoj voyny. 1935–1940 gody' (Women of the Soviet Village on the Eve of the Second World War. 1935–1940), *Otechestvennaya istoriya*, no. 5, pp. 88–106. (In Russ.)
11. *Materialy o rabote politotdelov MTS v 1933 godu* (Materials on the work of the machine and tractor station political departments in 1933), Moscow. (In Russ.)
12. Mozokhin, OB 2019, 'Uchastiye organov OGPU v deyatelnosti politotdelov MTS' (Participation of the Joint State Political Directorate bodies in the the machine and tractor station political departments), *Istoricheskiye chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti. Materialy VII mezhdunarodnoy konferentsii* (Historical readings on Andropova str., 5. History of se-

- curity agencies. Proceedings of the VII International Conference), ed. K.F. Belousov Scientific editor K.F. Belousov), Petrozavodsk, pp. 129–139. (In Russ.)
13. Nazarenko, NN, Korshunova, MV & Bashkin, AV 2023, ‘Demograficheskiye protsessy v tsentralnom Chernozemye Rossii v period goloda 1932–1933 gg.: istoriografiya voprosa’ (Demographic processes in the Central Chernozem Region of Russia during the famine of 1932–1933: historiography analysis), *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki* (Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities), no. 2, pp. 47–56. (In Russ.)
  14. Naukhatskiy, VV 2014, ‘Politotdely MTS Severo-Kavkazskogo kraya i stanovleniye sistemy zagotovok v selskom khozyaystve’ (Political departments of MTS of the North Caucasus region and the formation of the system of procurement in agriculture), *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy* (Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe), no.1, pp. 383–393. (In Russ.)
  15. Novitskiy 1934, ‘Ne zaderzhivat otkrytiye yasley’ (Don't delay the opening of the nursery), *Po leninskomu puti*, no. 15. (In Russ.)
  16. *Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii i dokumentov po lichnomu sostavu Lipetskoy oblasti (OKU GANIDLS LO)* (Regional State Institution «State Archive of Modern History and Documents on Personal Composition of the Lipetsk Region», fund 231, inventory 1, file 4. (In Russ.)
  17. *OKU GANIDLS LO*, fund 241, inventory 1, file 10. (In Russ.)
  18. *OKU GANIDLS LO*, fund 245, inventory 1, file 5. (In Russ.)
  19. *OKU GANIDLS LO*, fund 246, inventory 1, file 3. (In Russ.)
  20. *OKU GANIDLS LO*, fund 246, inventory 1, file 8. (In Russ.)
  21. *OKU GANIDLS LO*, fund 247, inventory 1, file 4. (In Russ.)
  22. *OKU GANIDLS LO*, fund 412, inventory 1, file 2. (In Russ.)
  23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI)*, (Russian State Archive of Social and Political History), fund 112, inventory 16, file 41. (In Russ.)
  24. Rogalina, NL 1989, *Kollektivizatsiya: uroki proydennoy puti* (Collectivization: lessons learned along the way), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
  25. Seregina & Vishnyakova 1934, ‘Soderzhat vseгда pole v chistote’ (Keep the field clean at all times), *Po leninskomu puti*, no. 11. (In Russ.)
  26. Sotnikov 1934, ‘Krasnyy flazhok politotdela snova v brigade Samarina, chernyy «Pozor lodyryam» razvevayetsya na tretyey ferme’ (The red flag of the political department is back in Samarina's brigade, the black “Shame to the slackers” is waving on the third farm), *Svinar-Udarnik*, no. 4. (In Russ.)
  27. Teplyakov, AG 2002, ‘Institut zamestiteley nachalnikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovkhovakh Sibiri v seredine 1930-kh gg.’ (Institute of deputy heads of political departments for the work of the OGPU-NKVD in MTS and state farms of Siberia in the mid-1930s), *Ural i Sibir v stalinskoy politike* (The Urals and Siberia in Stalinist politics), Novosibirsk, pp. 173–185. (In Russ.)
  28. Tomilin, VN 2009, *Nasha krepost. Mashinno-traktornyye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoyenny period: 1946–1958 gg.* (Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
  29. *Tsentralno-Chernozemnaya oblast: statisticheskiy spravochnik* (Central Black Earth Region: statistical handbook) 1929, Voronezh. (In Russ.)
  30. Shevlyakov, AS 2000, *Politotdely MTS i sovkhovov: chrezvychaynyye partiynogosudarstvennyye organy upravleniya v selskom khozyaystve v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* (Political departments of MTS and state farms: extraordinary party-state management bodies in agriculture in Western Siberia in the 1930s), Tomskiy gos. un-t publ, Tomsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 16.01.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025